

Ривка Рабинович

ГОЛОС ИЗ ЮНОСТИ

Быль

У меня всегда обширная электронная почта. Пишут знакомые, постоянные респонденты, но зачастую и незнакомые люди, прочитавшие одну из моих книг и желающие поговорить с автором, выразить своё впечатление. Отсюда читатели этих строк могут понять, что я пишу и время от времени издаю написанное.

Всё это – обычные дела. Но иногда в будни врывается чудо. Спасибо современным средствам коммуникации: если бы не они, это чудо не могло бы случиться.

В один из дней, привычно пробегая глазами почту, я чуть было не пропустила это послание. Глаза его не восприняли, потому что этого просто не могло быть.

Неясная тревога заставила меня ещё раз, внимательнее, просмотреть полученную почту. Да, это мне не приснилось. Письмо из сибирского села Парабель. Из края, где прошли моё детство и молодость.

Я сидела перед своим компьютером, потрясённая. Ведь я была уверена, что это село, как и прилегающий к нему посёлок Малые Бугры, уже не существует. Они были такие захудалые, запущенные, бедные. Я слышала о выморочных деревнях. Послание оттуда было для меня словно послание с того света.

Мне было девять лет, когда я вместе с мамой, братом и большой группой людей сошла по трапу с парохода "Тихонов" на речной пристани сибирского села Парабель, на берегу великой реки Оби. Наша группа состояла из ссыльных, "социально опасных", в большинстве женщин и детей. Наша "опасность" для советской власти состояла в том, что мы, до вторжения советской армии в Латвию, были из состоятельных семей, или, по тогдашнему лексикону, "из буржуев". Все мы в Риге были под конвоем выведены из своих квартир, загнаны в битком набитые вагоны для перевозки скота и после трёхнедельного мучительного пути доставлены в Новосибирск, где нас перевели на пароход. Главных "буржуев", то есть мужчин, глав семей, с нами не было: их вывели из вагонов на вокзале города Кирова, и никто из нас не знал, где они и что с ними.

С пристани нас повели в пустой дом, ранее служивший церковью, о чём свидетельствовала башенка на крыше. Там мы переночевали – на полу, на своих узлах. На следующий день нас разделили на группы и направили в места постоянного поселения. Не всем посчастливилось остаться в районном центре Парабель. На нашу долю выпал посёлок Малые Бугры, в трёх километрах от райцентра. Это был колхоз.

Группу, направленную в Малые Бугры, принял председатель колхоза и разместил по избам колхозников. Эти избы состояли большей частью из одной комнаты - "передней избы", или в лучшем случае из "передней избы" и горницы. Мы попали в избу второго типа, но в ней, кроме хозяев, жили квартиранты из местных – четыре человека. Эта изба в глазах председателя была резиновой: несколько дней спустя, когда в посёлок доставили ссыльных из Бессарабии, он поселил в ней ещё одну семью из пяти человек. Итого нас было пятнадцать. Тесноту в избе трудно себе представить.

Прибывший из Парабели комендант объяснил, что мы сосланы на двадцать лет и что наш гражданский статус – ссыльнопоселенцы, в отличие от колхозников, которые называются спецпереселенцами, или просто спецами. Спецы были сосланы в Парабельский район в 1931 году, во время кампании раскулачивания.

На вопросы женщин о судьбе мужчин, отделённых от семей, комендант ответил, что ничего не знает, в его ведении только те, которые прибыли на пароходе. О наших правах и обязанностях он сказал, что мы обязаны жить там, где нас поселили, но нам разрешается покидать посёлок в поисках работы на расстояние не больше десяти километров. Если кто-то пожелает переселиться в другой посёлок, где нашёл работу, нужно подать прошение в комендатуру.

С порядками жизни в колхозе "новеньких" ознакомили колхозники. Они рассказали, что колхоз ничего не платит за работу, только записывает трудодни. В конце сельскохозяйственного года на трудодни выдаётся какое-то количество муки для выпечки хлеба и белокочанной капусты для засола на зиму. Выжить им помогают приусадебные участки и скот, который они держат – коровы, куры, свиньи.

В посёлке Малые Бугры я впервые узнала, что такое голод. Настоящий голод, не оставляющий ни на минуту. У нас ведь не было ни приусадебных

участков, ни скота. Мама начала работать в колхозе за "пайку" – пятьсот граммов хлеба в день. Жить на это мы, разумеется, не могли. Начали обменивать вещи из нашего небогатого багажа на продукты. Эти продукты нужно было растягивать на максимальный срок – кто знает, как долго нам придётся так жить. Мама ввела строжайший режим питания. Это был режим постоянного голода. Она варила жидкую бурду, которая называлась супом, это было основное наше питание. Этот суп не насыщал, но создавал ощущение полного желудка.

Многому научила меня жизнь на Малых Буграх. Я научилась ходить босиком до первых заморозков, как все девочки в посёлке. Действительно, я выглядела бы там смешно в лакированных туфельках и платьицах с воланчиками. Моя одежда, которую я в Риге тщательно упаковала, пользовалась большим спросом у парабельского начальства, она была распродана в первую очередь. Я ходила в бесформенном платье, которое мама сшила из двух наволочек.

В первый учебный год, 1941-42-й, я училась в третьем классе местной начальной школы. К следующему учебному году я уже была настолько истощённой и оборванной, что не могла ходить в школу. Не было зимней обуви и одежды. Я так и осталась бы с трёхклассным образованием, если бы не добрый ангел, посетивший нашу избу. При всём моём стремлении быть краткой не могу не рассказать о ней – о скромной сельской учительнице Елене Андреевне Куренковой.

Она пришла к нам, уже в другую избу, не ту, куда нас впахнули вначале. Пришла искать ученицу, которая значится в журнале, но не появляется в классе. Увидев, в каком мы положении, она предложила, чтобы я училась дома, а она будет приходить дважды в неделю и давать мне задания. Так я окончила четвёртый класс.

Я считаю её вмешательство чудом. У неё самой была трудная жизнь, она не жила в нашем посёлке и приходила пешком на занятия каждый день, в любую погоду. Условия её жизни были ненамного лучше наших, разве что без острого голода. Она взвалила на себя дополнительную нагрузку, потому что увидела в тощей и оборванной девочке человека, судьба которого ей небезразлична. Я несу в себе светлую память о ней через семь десятилетий, и эта память умрёт вместе со мной.

Начальная школа в посёлке кончалась четвёртым классом, в пятый уже надо было ходить в Парабель. У меня не было подходящей одежды и обуви, и я пропустила два учебных года – 1942-43 и 1943-44. Мама не была озабочена вопросом образования детей. Брата, мальчика четырнадцати лет, она устроила на работу в столярный цех в Парабели. Её занимала одна мысль – выжить, не умереть с голоду. Брат получил рабочую хлебную карточку – пятьсот граммов хлеба и две иждивенческие – по триста граммов – на маму и на меня. Это было куда важнее, чем учёба. Брат очень гордился тем, что стал "кормильцем семьи".

Весной 1944 года из лагеря вернулся папа. Он был в состоянии крайнего истощения и был "списан" как непригодный к какой-либо работе. Надо было ставить его на ноги, при наших скудных возможностях это было очень тяжело. Но когда он немного окреп, его вклад в нашу войну за выживание был неоценим.

Он настаивал, что мы должны переехать в Парабель, что в колхозе нам делать нечего. Легко сказать – переехать. Куда? Жилья ведь не было.

Парабель была для нас, жителей посёлка, тем, чем для провинциала является Москва. Жить в Парабели... Дальше наши мечты не простирались. В Парабели было всё: там выдавали хлебные карточки, там на них покупали хлеб, там магазины, где можно купить соль, спички, хозяйственное мыло. Из Парабели транслируют новости и музыку. Там базар раз в неделю и кино показывают почти каждый день. И там есть средняя школа.

Летом 1944 года с нами произошло второе чудо. Совершенно случайно папа узнал, что "недалеко" (в Новосибирской области) находится его брат, эвакуированный из Ленинграда. Этот брат, дядя Илья, оказал нам огромную помощь – можно сказать, вытащил нас из отчаянной нищеты.

Он навел нас перед возвращением из эвакуации в Ленинград. Помог нам купить избу в Парабели. Своя изба с огородом! Будет своя картошка! Разве это не чудо?

Дядя поднял великий шум по поводу того, что мы с братом не ходим в школу. Мы твердили, что нас не примут, мы переростки. Дядя пошёл в школу и в райисполком и устроил такой же шум там. В результате мы были записаны – брат в седьмой класс, а я в пятый.

Стать опять школьницей – после двух лет, когда основным моим занятием были заготовка дров и ношение воды с речки! Это ли не было чудом?!

Погружённая в дела по хозяйству, я чувствовала себя этаким затурканной, лишённой возраста домохозяйкой. Я забыла о том, что мне всего четырнадцать лет. И вдруг я опять девочка, иду в школу! Моя молодость вернулась! Дядя прислал мне из Ленинграда принятую в то время в городах школьную форму – чёрное платье с белым воротничком и фартук. Ни у кого в школе такой формы не было!

Школьные годы в Парабели, несмотря на нелёгкую, бедную жизнь, были для меня хорошими годами. Я любила свою школу, её стены защищали меня от всего страшного, что подстерегало снаружи. Училась отлично, мне было интересно. Ходила в библиотеку, читала интересные книги. Всё близко, не надо ходить три-четыре километра. Я не чувствовала себя ссыльной, была такой же школьницей, как все.

В старших классах меня начали посещать мысли о том, что будет после окончания школы. Мои одноклассники обсуждали вопрос, в какие вузы поступить. Они собирались после школы ехать в Томск, некоторые даже дальше. Я знала, что мне путь туда заказан, но отгоняла эти мысли. Очень уж хорошо было в школе, о плохом не хотелось думать.

Перед отъездом на учёбу одноклассники собрались на прощальную встречу. Один из одноклассников, которому я постоянно помогала решать задачи по алгебре и геометрии, сказал мне слова, которые врезались в память: "Мне стыдно, что я уезжаю учиться, а ты остаёшься!" Коля Горлов, где ты теперь?

В тот день кончились мои хорошие годы в Парабели – трудные, интересные, даже порой счастливые. Вернулось бесправие ссыльнопоселенки. Жизнь в одиночестве, без друзей, без работы, без пути и цели.

Дважды я устраивалась на работу. В первый раз – секретаршей в школу, которую только что окончила. Проработала два месяца. Затем пришло указание "сверху" – уволить. Второй раз – в лабораторию по проверке качества семян, уборщицей. Ко мне прекрасно относились сотрудники, обещали научить работе лаборанта. Пока не пришло указание "сверху" – уволить.

В лаборатории были со мной откровенны: есть директива райисполкома – молодых холостых ссыльных на работу не принимать. Если работают – увольнять, для них уготована более тяжёлая работа, по мобилизации. Даже давно работавших в конторах бухгалтеров и счетоводов увольняли.

Меня сначала мобилизовали в сельсовет – разносить повестки тем, кого мобилизуют на лесосплав. Вручили списки, мобилизованные должны были расписаться в том, что они получили уведомления. Эта работа, собственно, работой не считалась, за неё даже не думали платить, ведь я не сотрудница сельсовета. Я всего лишь ссыльная, с которой можно делать всё, что вздумается местной власти.

Для меня эта работа была тяжела не столь физически, сколь морально. Половину людей из списка я знала. Люди встречали меня враждебно, словно это я их мобилизую. Отказывались подписываться. Кричали: "Почему сама не идёшь туда, куда мобилизуешь других?" - "Придёт и мой черёд", - отвечала я.

Мне было очень страшно. Председатель сельсовета, мужчина в возрасте за сорок, в течение всех дней моей работы по разноске повесток "распускал руки", старался прикоснуться ко мне, сластолюбиво улыбался и намекал: "Будешь хорошей девочкой – дам тебе лёгкую работу".

И вот настал роковой день. Я сдала ему последние подписанные листы. Он сказал: "Приходи сюда после рабочего дня, часов в шесть. Поговорим о твоей будущей работе".

Дилемма была ясна. Либо я соглашусь быть его любовницей, либо пойду туда, куда посылают всех мобилизованных.

Я рассказала обо всём родителям. Было решено, что я пойду на назначенное "свидание", но не одна, а с папой.

Увидев меня с папой, председатель испугался. Связи представителей местной власти со ссыльными строго запрещались. Того и гляди, ещё пожалуются. Это может стоить ему партбилета и карьеры.

Он был любезен до приторности. Сказал папе:

- Я подумал: такая молоденькая, хрупкая девушка, пропадёт ведь в лесу, или на плотях, на воде. Придумаю для неё что-нибудь полегче. Я

назначил встречу после рабочего дня, чтобы моя секретарша не слышала, что я делаю для кого-то исключение.

Он объявил, что я мобилизована на кирпичный завод.

- Работа не особенно лёгкая, но ничего лучшего у меня нет, - сказал он. – Сможешь жить дома, не в общем бараке, где ночью чёрт-те-что творится. Даже зарплату будешь получать, если выполнишь норму. Уволиться сможешь только тогда, когда мы объявим, что срок твоей мобилизации кончился.

Я облегчённо вздохнула. Посёлок Кирзавод, где мне предстоит работать, находится на расстоянии четырёх километров от Парабели. Недалеко.

Давно ли я была лучшей выпускницей школы, претенденткой на медаль? Теперь оказывается, что зря старалась хорошо учиться – мои знания никому не нужны.

Школу я окончила весной 1950 года. Три года отработала на кирпичном заводе, делала кирпичи очень примитивным способом. За это время вышла замуж за ссыльного из Риги, родила дочь.

В марте 1953 года умер Сталин. Мы, ссыльные, почти сразу почувствовали послабления в отношении к нам. Прекратились поголовные мобилизации, служащие вернулись на прежнюю работу. Весной 1954 года мы удостоились визита коменданта, который объявил нам, что наша годовалая дочка "снята с учёта комендатуры". Иными словами, отныне она свободная гражданка. Малышка, разумеется, не оценила величие этого момента.

Во второй половине лета мне объявили, что нет препятствий для моей поездки в Колпашево, соседний городок, для поступления в учительский институт. Если поступлю, муж тоже сможет поехать.

С болью душевной я простилась с дочкой, которую на время моей учёбы взяли к себе родители, и уехала в Колпашево. Это было моё прощание с селом Парабель. В этом селе я прожила и хорошие, и тяжёлые годы. Стараюсь помнить хорошее – мою любимую школу, моих учителей.

Потом было много разных мест, где мы жили короткое время, нигде не пуская корней. Колпашево, где я окончила двухгодичный учительский институт и где получила паспорт свободной гражданки. Село Вороново,

куда меня направили по распределению. Томск, где муж устроился на работу и получил от завода крохотную комнату. Там у меня родился сын. И Рига, город, где я родилась. При таком круговороте мест и людей память о Парабели постепенно стиралась. Но я ещё много лет спустя, отправляясь куда-нибудь, говорила: "Поедем в Парабель".

И, наконец, Израиль. Родители давно жили там, с 1964 года. В декабре 1969 года умер папа. Нельзя было оставлять маму одну. В августе следующего года мы уехали.

Это последний причал. В этой стране я живу уже сорок шесть лет, в этой земле меня похоронят, когда настанет мой час.

Здесь я поступила на работу в русскоязычную газету, сначала переводчиком с иврита на русский, затем журналистом. Овладела работой на компьютере. Пристрастилась к переписке с друзьями по электронной почте, всё это избавило меня от скуки, этого бича пенсионеров.

И вот в один из дней в мой дом, в небольшом городе на берегу Средиземного моря, на мой компьютер приходит письмо от незнакомых людей. Письмо из Парабели.

Здесь нужно пояснить, что в возрасте восьмидесяти лет я осуществила многолетнюю мечту – написала книгу о своей жизни, под названием "Сквозь три строя". Издала её на иврите и на русском, в Израиле и в Москве. Но кто мог подумать, что книга, изданная маленьким тиражом, дойдёт до далёкого сибирского села?!

Один экземпляр книги был послан в Парабель из Томской библиотеки – по-видимому, там увидели, что в книге много пишется о Парабели.

Весть о том, что появилась книга, автор которой – бывшая жительница Парабели, быстро разнеслась по селу. Когда книга попала в руки сотрудницы районного отдела образования Татьяны Ивановой, погоня за ней приняла организованный характер. Люди стали записываться в очередь.

Другой работник того же отдела, Сергей Богуш, загорелся желанием узнать что-то об авторе. Он нашёл в интернете мой электронный адрес и немедленно написал письмо. Позднее написала Татьяна. Так началась

наша дружба. Край моей молодости нашёл меня, унесённую от него далеко-далеко в пространстве и во времени.

Вот отрывок из письма Татьяны Ивановой, педагога:

Прочла Вашу книгу "Сквозь три строя" на одном дыхании. Чувства переполняют! Книга заставила по-новому взглянуть на историю своего края, увидеть эти места внутренним восприятием жившего здесь когда-то человека. Такое восприятие доселе мне было неизвестно!

Люди говорят, что хотелось бы читать медленно, вдумываясь в прочитанное. Но невозможно, книгу ждёт уже следующий читатель!

Я была просто счастлива, когда узнала, что Парабель – не глухая окраина, забытая Богом и людьми, а разросшееся и процветающее село, с новыми домами, с бытовыми удобствами, с асфальтированными улицами. Село, в котором компьютеры почти в каждом доме, где есть краеведческий музей и другие культурные заведения. Эти места мне дороги, и я рада их процветанию.

О Сергее Богуше, моём парабельском друге, я должна рассказать подробнее. Это не только отзывчивый и любознательный человек, но и краевед-любитель. Если меня интересовала новая жизнь села, то его в не меньшей мере интересовало его прошлое. Он разъезжал по Парабели и по посёлку Малые Бугры, искал места, которые я могла помнить, фотографировал и старое, и новое, рассказал жителям Бугров о книге, где описывается жизнь в посёлке, теперь они тоже читают.

Вот первое письмо, полученное от Сергея:

Здравствуйте, Ривка! Прочитав Вашу книгу, я решил найти в интернете любые сведения о Вас. Нашёл страничку "Написать автору", и мы написали. Мы с Настенькой (дочкой) прыгали от радости, когда пришёл Ваш ответ. Теперь понемногу собираем информацию о тех временах, когда Вы жили здесь.

Отрывок из следующего письма:

Ваша книга – одна на всю Парабель, и люди её не выпускают из рук. Если Вам интересно, мы можем отправить Вам фотографии тех мест, которые Вы описываете. И мы бы очень хотели получить книгу с Вашим автографом!

Ещё бы не интересно! Сергей сдержал своё обещание: у меня уже собралась целая галерея фотографий "старой" и "новой" Парабели и даже семейные фотографии моих далёких, но таких тёплых друзей. С некоторыми характерными фотографиями мне хочется ознакомить читателей.

Вот улица, как будто старая, но не совсем. Такой роскошной церкви в Парабели не было. Та церковь, в которую нас согнали в первый день, давно не служила церковью. Это было простое строение, напоминавшее сарай, с маленькой, неуместной и сиротливой башенкой над крышей.

Общий вид "старой" Парабели

Как мне хотелось бы ещё раз пройти по этой улице, поискать место, где мы жили, колодец, где брали воду! Колодец, вероятно, не сохранился. Теперь в селе водопровод. Я рада за жителей, но нечто наподобие ностальгии заставляет меня искать приметы прежних времён.

А вот дом, похожий на тот, в котором я с родителями прожила три года. Но "наш" был поменьше, с одним окном на улицу, без внутренней

перегородки и горницы. Того дома уже нет. Это хорошо, что нет больше тех ветхих избёнок, на их месте строятся добротные дома. Этот, на фотографии, нежилой, о чём свидетельствуют выбитые стёкла окон. И всё же... Мне кажется, что я нашла бы "свою" улицу и нашу избу. Где эта улица, где этот дом?...

А здесь – мои друзья, семья Богуш, Сергей с женой Еленой, двумя сыновьями и дочкой Настенькой, его верной помощницей в работе по исследованию прошлого села Парабель и окружающих посёлков, теперь срастающихся с райцентром. Оставшийся без родителей в возрасте 9 лет, Сергей не получил высшего образования, но его природная любознательность во всём касающемся истории, географии и краеведения поражает. Таня Иванова пишет, что у него глаза горят, когда он говорит о своих открытиях, к которым пришёл отчасти по следам моей книги. Таня мечтает о том, что Парабель станет туристическим центром, будут приезжать экскурсанты, и Сергей будет гидом. Он и сейчас вышел далеко за пределы узкой темы и показывает мне то новое и интересное, что появилось в селе.

Богуши живут просто, без роскоши, но и без нужды. Есть автомобиль, выезжают на нём отдыхать во время отпуска. На своём участке строят новый просторный дом. Я рада за них.

Моя юная респондентка Настенька Богуш

Мы видим девочку возле цветущей яблоньки, растущей в их дворе. В "моё" время яблони в Парабели не росли, даже помидоры не вызревали.

А это моя парабельская подруга Татьяна Иванова с мужем Александром и младшим сыном

Я не уверена, что в каждом райцентре Томской области есть музей, а в Парабели даже два – краеведческий и музей Боевой славы. В сорока километрах от Парабели, в селе Нарым, находится музей, который был в своё время посвящён Сталину, жившему в этом доме во время одной из его ссылок до революции. Я побывала в этом музее, получила от комендатуры особое разрешение на поездку в Нарым. Сергей Богуш рассказал, что теперь там находится музей памяти политических ссыльных.

Моя любимая школа, по словам Сергея, была снесена в 1984 году. Он прислал мне фото нынешней школы, трёхэтажной, с красивым входом.

Парабель может также гордиться тем, что в ней поставлен памятник с короткой, но многозначительной надписью: "Познавшим ужас репрессий – светлая память". Что ж, как в самом селе, так и в окрестных посёлках

было много пострадавших от репрессий. Особенно много умерших от голода, холода и болезней было среди ссыльных 30-х годов, так называемых "раскулаченных" крестьян, которых привезли в необжитые места, прямо в тайгу, на снег. Были умершие и среди ссыльных 1941 года, в основном от сыпного тифа – следствия антисанитарных условий жизни. Но были и перенёсшие всё и дожившие до лучших времён. По моему ощущению, этот памятник посвящён также мне и моей семье.

Трогательным для меня из всего, чем порадовали меня мои друзья из села моей молодости, было фото страницы журнала областного отдела образования с моими оценками в аттестате зрелости и моей подписью – журнала 66-летней давности! Журнал открыт на странице моего класса, я смотрю на фамилии моих одноклассников, вспоминаю их имена и лица – как будто вернулась в их среду, вновь стала молодой! И ещё одна страница с оценками и подписью моего покойного брата. Не знаю, как они нашли эти журналы – сменился век, сменился строй, а документация, по видимому, хранится в безупречном порядке! Но не сохранность документов волнует меня, а само желание моих друзей найти их – как это пришло им в голову? Я бы не додумалась. Этот поступок красноречивее всяких слов говорит о том, сколько щедрости и тепла таится в душах этих

№№	№№	ФАМИЛИИ ИМЯ И ОТЧЕВОЕ ПРИБЛИЖЕННО	ИМЯ И ФАМИЛИЯ	Год рождения	Возраст	ОЦЕНКИ В АТТЕСТАТЕ ЗРЕЛОСТИ												Год, месяц и число выдачи аттестата зрелости	Подпись
						1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
29	1907	Савельев Иван Григорьевич	Савельев Иван Григорьевич	1907	35	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	22 июня 1930	Савельев Иван
30	1907	Савельев Иван Григорьевич	Савельев Иван Григорьевич	1907	35	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	22 июня 1930	Савельев Иван
31	1907	Савельев Иван Григорьевич	Савельев Иван Григорьевич	1907	35	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	22 июня 1930	Савельев Иван
32	1907	Савельев Иван Григорьевич	Савельев Иван Григорьевич	1907	35	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	22 июня 1930	Савельев Иван
33	1907	Савельев Иван Григорьевич	Савельев Иван Григорьевич	1907	35	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	22 июня 1930	Савельев Иван
34	1907	Савельев Иван Григорьевич	Савельев Иван Григорьевич	1907	35	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	22 июня 1930	Савельев Иван
35	1907	Савельев Иван Григорьевич	Савельев Иван Григорьевич	1907	35	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	22 июня 1930	Савельев Иван
36	1907	Савельев Иван Григорьевич	Савельев Иван Григорьевич	1907	35	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	22 июня 1930	Савельев Иван
37	1907	Савельев Иван Григорьевич	Савельев Иван Григорьевич	1907	35	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	22 июня 1930	Савельев Иван
38	1907	Савельев Иван Григорьевич	Савельев Иван Григорьевич	1907	35	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	22 июня 1930	Савельев Иван

которого они никогда не видели!

Я не раз думала о том, что сибиряки – люди особенные. Ни капли антисемитизма! Мои школьные годы совпали с разгулом кампании "разоблачения космополитов", но ни я, ни кто-либо из моей семьи не слышали ни одного слова, ни одной колкости в адрес "вашей нации", несмотря на тотальную промывку мозгов. Ни в быту, ни в школе. Напротив, была сердечность в отношениях, готовность оказать посильную помощь.

Мне думается, что это не случайно. Совместная жизнь людей разных национальностей в условиях суровой природы, нужды, неустроенности быта породила особую солидарность людей, вместе борющихся за жизнь. Этой солидарности верны и следующие поколения, живущие в несравнимо лучших условиях. Сибирь взрастила людей особой породы!

Спасибо вам, дорогие мои сибиряки! Спасибо за всё хорошее, что вы внесли в мою жизнь – за всё, что было и ещё будет! Будьте счастливы – вы заслужили это!

Этими словами я закончу рассказ о голосе из юности, дошедшем до меня, старой женщины, из далёкого сибирского села. Ещё одно из чудес, случившихся в течение моей долгой жизни. Как же мне не верить в

чудеса?

